

Исторический материализм в западном марксизме. Размышления над судьбой концепции

Л.Е. Гринин

Представлен очерк истории западных исследований в школе исторического материализма, начиная с конца XIX в. на общем фоне судьбы западного марксизма и его кризиса после падения социализма. Показаны волны снижения и повышения интереса западных марксистов к проблемам истмата. Исследуются научные и интеллектуальные достоинства исторического материализма. Автор аргументирует, что в методологии истмата оказалось много ценных находок и выводов.

Делается вывод, что сегодня уже невозможно работать только в рамках концепции истмата, многие его положения должны быть пересмотрены. С другой стороны, в настоящий момент судьба истмата и марксизма определяется своего рода парадоксом: их значение растет по мере того, как он растворяется в других теориях, поэтому они, несмотря ни на что, остаются живым учением. Выделяется три направления в общественной науке, которые явно демонстрируют свою интеллектуальную связь с истматом. Можно говорить, образно выражаясь, о генетическом дрейфе истмата, ставшего частью общих теоретических разработок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Карл Маркс, исторический материализм, западный марксизм, производительные силы, производственные отношения, базис, надстройка, марксистская историография, постисторический материализм, методология, общее интеллектуальное достояние, движущие силы исторического процесса.

ГРИНИН Леонид Ефимович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, заместитель руководителя Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования, главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации ВШЭ.

leonid.grinin@gmail.com.grinin@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10 мая 2018 г.

Цитирование: *Гринин Л.Е.* Исторический материализм в западном марксизме. Размышления над судьбой концепции // *Вопросы философии.* 2018. № 10. С. 90–101.

1. Исторический материализм: наследство, методология, критика

Несмотря ни на что, интерес к марксизму остаётся значительным [Jeffries 2012]. В научном плане интерес к нему оказался непреходящим, поскольку в его подходах к исследованию общества есть весьма значимые открытия, удачные и продуктивные методы. Недаром Д. Белл писал: «Как может быть ученый -социолог антимарксистом?» [Белл 1999, ХС1]. Даже сегодня его глубина понимания дает мощный инструмент критического исторического анализа (см., например, книгу под редакцией К. Викхема [Wickham 2007]). Но, как и любое крупное учение, марксизм таит и таит в себе возможности развития разных линий и идей, поэтому происходила его диверсификация. Неоднозначный и неисчерпаемый, по выражению Реймона Арона [Арон 2010, 354–376], он был и остаётся таким по-прежнему.

Относительно исторического материализма, однако, стоит напомнить, что собственно он никогда (в отличие от экономической теории) не излагался систематически (как цельная система), а только фрагментарно или в качестве ответа на критику, то есть разрабатывались только его отдельные проблемы.

Исторический материализм его последователями всегда рассматривался как непосредственная методология исторического исследования. И задача последнего во многом сводилась к поиску конкретной вариации общего истматовского положения (о классах, происхождении государства, соотношении базиса и надстройки и т.п.) для описания данного конкретного общества в определённую эпоху. Но при этом важно иметь в виду, что для тех обществ, которые ближе подходили к моделям, описанным в историческом материализме, его категории, принципы и методы давали хороший аналитический эффект. Вокруг истмата сложилась и особая марксистская историческая проблематика, для которой идеи и терминология первого оказались более продуктивными, чем обычная позитивистская методология, лишённая нужной терминологии и опробованных схем¹. Однако в отношении многих других эпох и проблем (в том числе в отношении восточных, кочевых и других обществ) его применение оказывалось непродуктивным, а то и губительным для исторических исследований. И это часто вело к ложным выводам и засилью не соответствующих реальности догм.

Критика исторического материализма и его методологии. Основные недостатки марксизма и, соответственно, истмата как его составной части заключались в вере их создателей и последователей в *неизбежность* социалистической революции и установление в будущем коммунистического общества.

Вера в то, что будущее определённого типа неизбежно и соответственно предопределено, основывалась на *детерминизме*, то есть представлении об исторических законах и причинах как неизбежных и жестких, почти как неких внеисторических силах или сущностях, которые реализуются практически в любом случае. Детерминизм дополнялся так называемым *эссенциализмом* — претензией на то, что открыта глубинная, скрытая за явлениями сущность истории, которая как бы всегда неизменна и лишь меняет свои проявления в разных эпохах, обстоятельствах, личностях. Помимо этого марксизм критиковали и за сопряжённые с детерминизмом и вытекающие из его веры в неизбежность коммунизма черты. Речь идет о *провиденциализме* и *эсхатологии*, тесно связанных с провиденциализмом представлениях о том, что у истории есть некий финал или что история имеет некий смысл и конечную цель. Все указанные недостатки были свойственны далеко не только одному марксизму, но и целому ряду как предшествующих ему, так и современных научных и философских направлений. К этим характеристикам К. Поппер также добавил обвинение в *историцизме* [Поппер 1993]. Большинство из этих критических утверждений в целом трудно отрицать, по некоторым моментам иногда даже сами марксисты, пусть и с большими оговорками, вынуждены соглашаться. Например, об эссенциализме см.: [Раинко 1979, 61], о детерминизме: [Eagleton 2011].

Говоря о серьезных недостатках и даже пороках методологии исторического материализма, важно понимать, что марксизм, будучи последовательно материалистическим, сохранил многие недостатки своих предшественников, на наследие которых он опирался. В частности, в попытках открыть неизменные законы истории он сильно преуменьшил роль внешних факторов в развитии общества. Стала преобладать тенденция представления общества как в основном эндогенной системы, на которую внешние вызовы не могут оказать решающего влияния.

Но в настоящей работе важнее не указание на ошибки и заблуждения, а систематизация того ценного, подтвержденного временем, что можно развивать. В этом аспекте следует рассматривать истмат не как законченную теорию, а скорее, по выражению Макса Адлера, как программу научных исследований, которая еще далеко не реализована [Арон 2010, 372–373].

2. Основные достижения исторического материализма

Материалистическое понимание истории. Важнейшей заслугой марксизма был переход к последовательному материализму в объяснении исторического процесса, что открывало поиск реальных, а не мистических или спекулятивных причин развития человеческого общества. До К. Маркса и Ф. Энгельса материализма в понимании истории и тем более в философии истории, по сути, не было. В целом возникновение материалистического понимания истории обуславливалось наглядным ростом значения материального производства. Гениальность Маркса и Энгельса, как это бывает в истории науки, заключалась в том, что они сложили во многом уже готовые взгляды в единую систему, которая обрела новое качество. Хотя это была не завершенная философски и социологически система, а только ее грубые наброски, но даже и в таком виде быстро обнаружили ее мощные эвристические и методологические свойства, которые, к сожалению, совершенно недостаточно реализовались в научном плане.

Крайне важно, что Маркс и Энгельс в построении концепции материалистического понимания истории пытались поставить во главу угла развитие производства (производительных сил). Для материалистического понимания истории и причин глубоких изменений в обществе крайне важным было и философское и методологическое положение, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс 1959, 7].

Идея о первичности производительных сил. Хозяйство разных обществ исключительно разнообразно. Поэтому удачей марксизма было создание категории, которая могла объединить и хозяйство дикаря, и современную экономику. Когда исследование технологий и материального производства стало важной темой в западной общественной науке во второй половине XX в., использование этой категории и попытки наметить уровни производительных сил ставились Марксу в заслугу некоторыми западными авторами (такими как Р. Арон или Д. Белл).

Напомним, что, согласно истмату, изменение уровня развития производительных сил неизбежно ведет к изменению всех остальных сфер общества, причем такая смена происходит не автоматически и не сразу, а вследствие разрешения структурного и системного кризиса в обществе. К этому нужно добавить еще одну важную идею, которая объясняет механизм работы некоторых исторических процессов, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [Маркс 1959, 7]².

Идея о том, что именно изменения в материальной жизни в течение длительного времени обуславливают кардинальные изменения в остальных сферах жизни, хотя это и происходит с большим временным лагом, стали популярными среди историков и мыслителей, изучающих экономику. Как образно выражался Фернан Бродель [Бродель 1993], именно материальная жизнь несет все на своей широкой спине. Эти подходы пытались время от времени развивать и в истмате, см., например, [Cohen 2004]. Однако в марксизме из-за стремления к революционному переустройству мира эта идея не получила (и, видимо, не могла получить) полного развития.

Системность, структурность, моделирование и связанная с ними методология. Хотя об этом пишут нечасто, важно иметь в виду, что марксизм предвосхитил использование системного метода, который позже, в 1950–1960-х гг., получил теоретическое обоснование и мощное развитие в мировой науке. К. Маркс и Ф. Энгельс, по сути, представили общество как систему (хотя они редко используют этот термин), которая может существовать благодаря единству и борьбе противоположностей. К числу таких важных системных частей относились и классы, находящиеся в постоянной борьбе. К категориям, показывающим системность общества, существующую благодаря соответствию ведущих ее элементов и меняющуюся (в том числе с переходом на новый качественный уровень), когда эти пропорции нарушаются, относятся такие

как *базис и надстройка, производительные силы и производственные отношения, общественное бытие и общественное сознание* и др.

Это был новаторский способ анализа, который позволял открыть важные движущие силы истории. В этом отношении (как и в ряде других) Маркс и Энгельс сформулировали, по сути, методологические идеи (хотя они казались им онтологическими) и тем самым разработали важные принципы исследования (хотя они и их последователи, возможно, считали это уже решением). Указанные категории (*базис – надстройка, производительные силы – производственные отношения*), по сути, представляют собой бинарные оппозиции. Напомним, что бинарные оппозиции, составляющие источник выстраивания социальных отношений и ментальных конструкций, в качестве универсального средства рационального описания мира используются в структурализме. То есть указанный метод предвосхищал современный структурализм.

Другой продуктивный метод, намеченный в истмате, представление о доминирующем элементе в системе, развитие которого может вести к изменениям в других сферах (так, развитие производительных сил ведет к изменениям в производственных отношениях, а затем и в остальном обществе). Но здесь важно понимать, что абсолютно доминирующего элемента нет и быть не может, а есть лишь возможность принять такой за точку логического отсчета³. Но при принятии такого допущения выбор некоторых элементов как относительно доминирующих открывает эвристические возможности для понимания прямых и обратных зависимостей в развитии общества.

Движущие силы, законы диалектики и методология. В истмате особое внимание всегда уделялось классовой борьбе и революциям. Но мы хотим обратить внимание на иные движущие силы исторического процесса (условно говоря, более глубокие и менее заметные на материале коротких периодов). Во-первых, это результат диалектического взаимодействия частей системы. Так, в частности, согласно К. Марксу, возникает нарушение соответствия производительных сил и производственных отношений, что приводит к изменению всей системы, создает условия для социальной революции [Маркс 1959, 7]⁴. Во-вторых, это еще более абстрактные силы в виде законов диалектики. Три ее закона Маркс и Энгельс приложили к истории (обществу). Конечно, чтобы до конца довести эту методологическую операцию, необходимо было отказаться от детерминизма в отношении законов и от идеи, что сознание отражает действительность, а не моделирует ее более или менее точно с помощью логических категорий и языковых конструкций. Но в целом это был продуктивный подход, позволивший увидеть эндогенные движущие силы в обществе. В частности, закон перехода количества в качество на абстрактном уровне объяснял, каким образом медленные и незаметные изменения, например в развитии техники, могли при накоплении привести к нарушению баланса в обществе и осознанию необходимости изменить социальные отношения. Закон единства и борьбы противоположностей показывал, каким образом борьба антагонистических классов могла рассматриваться в качестве движущей силы развития общества; он мог быть также применен к анализу взаимоотношений производительных сил и производственных отношений.

3. Развитие исторического материализма после К. Маркса и Ф. Энгельса

Достраивание исторического материализма. В последние десятилетия XIX в. в связи с созданием массовых легальных социал-демократических партий вопросы исторического материализма становятся менее значимыми по сравнению с вопросами политической борьбы и теории революции. Тем не менее проблемы истмата оставались в центре внимания крупнейших теоретиков второго поколения марксистов. Целый ряд работ вышел в 1890-е гг. В частности, это «Исторический материализм» Франца Меринга (1893), «К вопросу о монистическом понимании истории» Георгия Плеханова (1895), «Очерки материалистического понимания истории» Антонио Лабриолы (1896). Работа Карла Каутского «Материалистическое понимание истории» (1927) вышла уже много позже. Задачей этих теоретиков было изложить проблемы истмата более или менее системно, разъяснить неясные или спорные места, решить пробле-

мы, которые не были разрешены Марксом и Энгельсом. Словом, в основном их усилия были направлены на то, чтобы достроить истмат [Андерсон 1991, 17].

Следующее поколение марксистов (Отто Бауэр, Владимир Ленин, Лев Троцкий, Рудольф Гильфердинг, Роза Люксембург и др.) не было столь сильно озабочено достраиванием истмата, хотя оно и внесло в него определенный вклад (например, в вопросе о государстве, финансовом капитале и империализме, классах и нациях). Основные проблемы, волновавшие их, были связаны с партийными проблемами и интерпретацией исторического материализма в новых реалиях, но особенно с революционной теорией, включая диктатуру пролетариата, организацию вооруженного восстания и государственного строительства. На Западе попытки развить и систематизировать исторический материализм в его классической форме закончились в 1920-х гг. вместе с последними революционными вспышками. В СССР, конечно, это продолжалось дольше. Но здесь истмат был во многом догматизирован.

Западный марксизм до конца 1960-х гг. По мнению Ж.-П. Сартра, с 1924 по 1968 г. марксизм «остановился». В еще большей степени это касается исторического материализма. П. Андерсон отмечает, что после 1920 г. марксизм развивался медленнее, чем немарксистская культура, а более чем за 20 лет после Второй мировой войны вклад западного марксизма в создание собственной оригинальной экономической и политической (и, добавим, историософской) концепции как таковой оказался нулевым [Андерсон 1991]. Это было связано, во-первых, с тем, что востребованность революционного марксизма в условиях затухания революционного движения и постепенного роста жизненного уровня населения снижалась; во-вторых, с тем, что западные марксисты-теоретики сами более или менее успешно интегрировались в капиталистическое общество, заняв в нем хорошо оплачиваемые и почетные профессорские должности. В-третьих, это была реакция на советский истмат. В результате этих и других причин происходит смена тематики исследований марксизма, и истмат становится не главной, а порой и маргинальной областью его исследования.

Считается, что три марксистских теоретика после Первой мировой войны и волны революций задали основные векторы западного марксизма: Дьёрдь Лукач, Карл Корш и Антонио Грамши. Все они были лидерами теории в своих партиях и принимали участие в революционных действиях. Их главные труды посвящены переосмыслению ортодоксального марксизма и исторического материализма, а равно и революционной практики в связи с поражениями революций и стабилизацией капитализма. Межвоенные марксисты-теоретики, среди которых было много профессиональных революционеров, политиков и рабочих лидеров, в значительной мере были заняты объяснением задержки революции и комментариями в отношении империализма, а также вопросами экономических кризисов. Но позже, после Второй мировой войны, марксистская теория полностью перемещается в университеты, и даже Корш и Лукач занимают должности профессоров, не говоря уже о младшем поколении профессоров-марксистов – А. Лефевре, Г. Маркузе, Г. Делла Вольпе, Т. Адорно, Л. Коллетти, Л. Альтюссере и других.

Таким образом, наиболее яркая черта всей западной марксистской традиции после 1930-х гг. от Лукача до Альтюссера и от Корша до Коллетти – полное преобладание в ней профессиональных философов [Андерсон 1991], см. также: [Adamson 1980, 186]. То есть ситуация стала отличаться от прежних эпох, когда марксисты (хотя это и делало их сектантами) пренебрежительно относились к университетским профессорам. В итоге язык большинства или даже всех западных марксистов стал слишком сложным для понимания и перегруженным специальными терминами, а тематика – весьма специальной. «Метод как бессилие, искусство как утешение, пессимизм как покой» – вот характеристики западного марксизма послевоенного времени [Андерсон 1991, 104]. Марксизм, которым занимались западные марксисты, порой настолько отличался от традиционного, что Р. Арон неслучайно назвал его «мнимым или воображаемым» марксизмом [Арон 2010].

Исторический материализм в западном марксизме утратил актуальность, им мало кто занимался, в основном те представители старой гвардии марксистов, кто остался жив и продолжал работать в описываемый период.

Пробуждение интереса к историческому материализму с 1970-х гг. В 1970–1980-х гг. можно говорить о некотором подъеме марксизма и возврате к истматовской проблематике. Подъем был связан с самым крупным послевоенным экономическим кризисом капиталистических стран и политическим кризисом в США, в частности в связи с войной во Вьетнаме. В противоположность этому мир социализма казался прочным, имеющим большое будущее, а образовавшийся третий мир внушал надежду на дальнейшее ослабление капитализма. Одновременно марксизм становился все более уважаемым и приемлемым в научной и интеллигентской среде, создавая хотя и с радикальным налетом, но вполне необходимый левый фланг. По этой и другим причинам произошел перенос центра западного марксизма в США, Англию и другие страны, традиционно слабые в отношении марксизма, в то время как во Франции и Италии он ослабевает и застывает [Андерсон 1991]. На англо-американской почве в соединении с современными теориями происходит некоторый подъем марксизма и исторического материализма, а также рост его привлекательности. Этому способствовало и повышение активности различных групп: молодежи, цветных, женщин и т.п. (см. о росте этой связи: [Готфрид 2009, 13].

Появились новые труды, возвращающиеся к прежнему марксизму, в том числе целый ряд экономических работ о современном капитализме. Среди них особо стоит отметить работу Эрнста Мандела «Длинные волны в истории капитализма» [Mandel 1995], в которой он попытался совместить исторический материализм и марксистскую политэкономия, с одной стороны, и теорию длинных волн (или циклов) длительностью 50–60 лет – с другой (теория, созданная Н.Д. Кондратьевым и позже развитая в ряде трудов, включая работы Й. Шумпетера). Это был интересный и в целом перспективный вектор развития марксистской теории путем соединения ее с другой – немарксистской (хотя определенное влияние марксизма на теорию Николая Кондратьева отрицать трудно). Э. Мандель связывал смену понижательных и повышательных фаз длинных волн с колебаниями нормы прибыли, но важно также, что он привлек и достаточное внимание к технологическим революциям, указал на их важную роль, подчеркнув, что сделал так, как делал и сам Маркс ([Mandel 1995, 19]; см. также главу 2).

В конце 1970-х появился так называемый аналитический марксизм, среди представителей которого была распространена идея реконструировать марксистскую теорию на базе современных общепринятых научных методов. Здесь особо стоит отметить книгу Дж. Коэна «Теория истории Карла Маркса: защита», впервые изданную в 1978 г. [Cohen 2004]. В своей книге Коэн защищал Маркса от ведущих критиков. Но еще важнее, что он пытался вернуть дискуссию к главному аспекту истмата – роли производительных сил и их взаимодействию с производственными отношениями и в целом с надстройкой. Автор стремился обновить теорию производительных сил, правда, на наш взгляд, не очень в этом преуспел. В целом количество работ, вышедших в конце 1970-х и начале 1980-х гг. и посвященных истмату и марксистской философии истории, равно и вообще марксизму и марксистской философии, было экстраординарным [Adamson 1980, 186]. Отметим, что книги выходили в самых престижных издательствах (благо их авторы работали в Кембриджском или Оксфордском университетах).

Стоит отметить творчество британско-американского историка, социолога и политолога Перри Андерсона. Две его работы [Anderson 1976] и [Anderson 1983], объединенные в русском переводе в одной книге [Андерсон 1991], посвящены истории и анализу западного марксизма. Они дают хорошее представление о нем даже неподготовленному читателю. Две более ранние работы представляют попытки применить теорию исторического материализма к сложным проблемам истории [Anderson 1974^a, Anderson 1974^b]. Нельзя сказать, что автору удалось существенно продвинуться в ин-

терпретации исторических фактов с помощью теории истмата (в частности, практически отсутствует тема, которую мы считаем важнейшей в истмате: об уровнях развития производительных сил и соответствии им общественных отношений). Скорее, по-прежнему факты иллюстрировали истматовскую периодизацию и концепцию. Однако были важны и сами по себе попытки, и посыл, что различные исторические школы должны конкурировать между собой.

Марксистская западная историография с 1970-х гг. Признаки начинающегося подъема марксистской историографии (особенно в Англии) были заметны еще в 1950–1960-е гг. Затем молодые английские исследователи, объединившиеся в группу историков компартии, составили, по определению Андерсона [Андерсон 1991], блестящую плеяду ученых, которые преобразили в последующие годы многие общепринятые интерпретации английского и европейского прошлого. Это Кристофер Хилл, Эрик Хобсбаум, Эдвард Томпсон, Родни Хилтон и целый ряд других. В результате английская и американская историография неожиданно стала флагманом марксистской историографии в мире.

Но хотя глубина, систематичность и фундированность исследований выросли очень существенно, тематика в значительной мере оставалась узкой, в основном продолжая оставаться в рамках традиционной для марксизма и истмата проблематики. Как мы говорили выше, исторический материализм мог быть для некоторых эпох, тем и проблем непосредственной методологией исторического исследования. И этим не в последнюю очередь объясняется выбор тематики исследований. В любом случае наличие определенной доктрины помогало ориентироваться в огромном массиве исторического материала. Тем не менее такая ограниченность тематики приводила, несмотря на общий успех марксистской историографии, к тому, что по многим направлениям она просто не могла конкурировать с немарксистской. Перри Андерсон [Anderson 1974^b] выразил это хотя и в весьма мягкой форме, но вполне отчетливо: есть области историографии, где доминируют марксистские исследования; есть еще больше областей, в которых немарксистские исследователи превосходят марксистов в количестве и качестве исследований; и еще больше областей, где марксистские исследования вообще отсутствуют.

Кризис в западном марксизме. Эрик Хобсбаум [Hobsbawm 2011, 385] (см. также гл. 15), писал, что упадок марксизма начался с 1983 г. и продолжался четверть века, то есть до начала последнего кризиса 2008 г. Но, конечно, особенно быстрые изменения произошли после краха социалистической системы. Наблюдаются растерянность и определенный упадок марксизма (см. об этом, например: [Джеймисон 2005; Hobsbawm 2011, 386; Iggers 2012])⁵. Многие интеллектуалы, прежде позиционирующие себя как марксисты, начинают от него отходить. Некоторое, но несущественное оживление произошло в конце XX в. [Hobsbawm 2011, 385], другой его этап начался после глобального кризиса 2008 г. (см., например: [Jeffries 2012]); это доказывает, что подъем марксизма происходит в противофазе экономическому подъему). Выход из кризиса (как это уже неоднократно бывало в истории марксистской мысли) одни видят в пессимизме, другие – в обращении к корням марксизма, третьи – в попытках реформировать исторический материализм, которые не могут увенчаться успехом, а кто-то просто в отказе от исторического материализма (см. анализ новейших течений: [Iggers 2010; Iggers 2012]).

Таким образом, сегодня западный марксизм не умер, в достаточно большом объеме продолжают выходить книги и статьи (см., например, недавнюю статью Т. Рокмора в «Вопросах философии» [Рокмор 2016] и там же рецензию на книгу А. Вудса и Т. Гранта «Бунтующий разум. Марксистская философия и современная наука» [Длугач 2016, 220–222]), хотя по истмату их стало существенно меньше. Жизнеспособность марксизма заключается в том, как верно замечает Ф. Джеймисон [Джеймисон 2005], что он, в сущности, является наукой о капитализме, призван описывать капитализм, непревзойден в раскрытии исторической новизны капитализма. Именно поэтому, какими бы ни были превратности его судьбы, постсовременный капитализм неизбежно вызывает к жизни постсовременный марксизм.

Вот почему любой новый кризис (а в связи с трудностями, которые испытывают США и Европа, а также и подъемом новых стран — Индии, Китая — кризисы, конечно, ждут нас впереди) будет поддерживать марксизм и с ним и истмат. Но качественного его развития уже не будет, как не было и в последние десятилетия, поскольку он вряд ли сможет выйти за пределы, обозначенные догматической теорией. И в любом случае это течение будет оставаться маргинальным.

4. В чем истинное влияние исторического материализма?

Однако истмат может быть востребован в научном, а не политическом, плане, если уменшит свои политические претензии и усилит академические. В частности, Андерсон [Андерсон 1991] в известной мере призывает (в противоположность тому, что предлагают другие) сделать основной частью марксизма не анализ настоящего, а анализ прошлого, то есть резко усилить истмат. Однако, отметим, реальное развитие наиболее перспективного в истмате может быть только при условии радикального выхода за рамки его концепции. Отказ от концепции с сохранением части методологии и проблематики — вот реальная перспектива для возрождения истмата.

Поэтому, на наш взгляд, влияние исторического материализма будет сильнее проявляться не в рамках чисто марксистского течения, а в более широком и неопределенном интеллектуальном окружении, которое лишь в той или иной мере связано с марксизмом. Данное сопутствующее историческому материализму течение состоит из нескольких потоков.

Во-первых, это широкая левая культура, имеющая связь с марксизмом и истматом.

Второе течение можно назвать *постмарксизмом* в весьма широком значении слова. Д. Белл еще в 1973 г. отмечал: «Мы все стали постмарксистами» в том смысле, что «источником нашего интереса к социальным переменам по необходимости является Маркс». Всякий, кто собирается обсуждать перспективы развития капиталистического индустриального общества, «вынужден отправляться от предвидений Маркса» [Bell 1973, 55–56]. Он повторил это и через 25 лет (см. его предисловие к русскому изданию «Прихода постиндустриального общества» [Белл 1999]).

Однако почти полвека спустя после этих слов Д. Белла проблемы развития капиталистического общества должны рассматриваться во многом за пределами предвидений К. Маркса и Ф. Энгельса, поскольку само общество давно вышло за пределы индустриального развития, а социалистический эксперимент не удался. Зато в этих условиях легче вспомнить, что Маркс и Энгельс также задали и определенную логику в анализе исторического процесса, которая привлекала и продолжает привлекать своей методологией, подходами и проблематикой. И если исследователь в какой-то мере использует истматовскую методологию, фундаментальные категории и ценные подходы, отказавшись от марксистских догм, и тем более, если он ушел от ортодоксальной системы, чтобы создать новые концепции, такой подход можно назвать **постисторическим материализмом**. Ибо здесь главное уже не антикапиталистический протест, но современное материалистическое понимание истории, когда исследователи признают фундаментальное влияние материальных факторов. Фактически к постисторическим материалистам можно отнести и так называемых постиндустриалистов, особенно Д. Белла и А. Тоффлера, которые клали в основу движущих сил исторического процесса развитие технологий⁶. Исторический материализм поставил несколько важных задач, но не дал их верного решения. Среди них особо можно выделить необходимость показать, как можно объяснить смену общественных форм через смены уровней производительных сил. И важность этой задачи требует новой интерпретации исторического процесса, благодаря чему открываются новые горизонты исследования.

Третье и, пожалуй, наиболее влиятельное течение — это те, для кого истмат составляет важную часть их интеллектуального багажа или их концепций (а не остается чисто академическими и не особенно нужными знаниями). Это течение появилось уже в последние десятилетия XIX в. Внутри него условно можно выделить несколько групп. Во-первых, тех, кто, не занимаясь критикой марксизма, использовал его ча-

стично для создания новых концепций. Весьма показателен здесь пример Николая Кондратьева, который использовал идеи Маркса об основном капитале и его смене в своей теории длинных циклов. Во-вторых, тех, кто испытал влияние марксизма или даже признает свою «интеллектуальную зависимость от марксизма» [Раинко 1979, 26]. Хотя эти исследователи не опираются непосредственно на истмат, а, напротив, часто активно его критикуют, проследить влияние марксизма на них вполне можно, тем более если они выстраивают свои исследования в той или иной мере оппозиционно марксизму, пытаясь найти альтернативное ему позитивное решение проблемы. Среди таких исследователей можно назвать М. Вебера, Й. Шумпетера, К. Манхейма, П. Сорокина, Р. Дарендорфа, Ж. Фурастье, Р. Арона, У. Ростоу, Дж. Гэлбрейта и многих других. Некоторые из них, как Арон или Шумпетер, посвятили ряд своих произведений непосредственно анализу марксизма или социализма. Третья подгруппа – агрессивные оппоненты, стремящиеся к ниспровержению марксизма, но во многом их творчество строилось именно как антимарксизм. Среди них встречались и очень крупные фигуры (например, К. Поппер или Ф. фон Хайек). Но сегодня, конечно, острота критики марксизма уменьшилась.

Таким образом, исторический материализм оказывал и продолжает оказывать влияние на социальную науку, выступая как некий оселок, на котором оттачиваются теоретические основания и критика значимого числа крупных исследователей. Последние так или иначе начинают работать в определенном пространстве, заданном марксизмом, чтобы доказать, что теоретические основания исторического материализма неверны или верны не полностью. И, как справедливо указывал Р. Коллингвуд, «энергичная полемика против какой-либо доктрины – безошибочный признак того, что эта доктрина чрезвычайно распространена среди современников писателя и даже обладает определенной притягательной силой для него самого» [Коллингвуд 1980, 23].

Словом, исторический материализм может оставаться влиятельным только в сочетании с другими теориями. Значит, сегодня его судьба определяется своего рода парадоксом: его значение растет по мере того, как он растворяется в других теориях. Поскольку он стал как бы частью общего интеллектуального достояния, можно образно сказать о генетическом дрейфе исторического материализма и марксизма в целом, который, несмотря ни на что, оказывается живым учением, значимым интеллектуальным резервом.

В любом случае, для нового подъема истмата требуется, по мнению П. Андерсона [Андерсон 1991], подвергнуть марксизм и истмат суровой ревизии, отринув все догмы. Но он прав, это потребует большой смелости, которая отсутствовала до сих пор.

Примечания

¹В частности, в плане анализа истории классов и классовой борьбы в некоторые эпохи, народных движений, революций, идеологий, отношений эксплуатации, развития производительных сил и т.п.

²Структура производительных сил, не потерявшая значения и до сих пор, дана в главе 5 первого тома «Капитала» К. Маркса [Маркс 1960, 188–196].

³Ф. Энгельс пытался это оговорить в отношении, например, обратного влияния надстройки на базис (в частности, в письмах К. Шмидту от 5 августа и 27 октября 1890 г.), но в целом такой подход в истмате не получил развития.

⁴Образно это соответствие выражено в знаменитой фразе: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» [Маркс 1955, 133].

⁵Даже Перри Андерсон советовал однозначно признать историческое поражение [Anderson 2000].

⁶К *постисторическим материалистам*, стремящимся исследовать на глобальном уровне роль производительных сил и их смены, роль технологических революций и их влияние на изменение всей структуры обществ определенных крупных, в том числе будущих, эпох, в полной мере я отношу и себя. См., например, [Гринин 2006; Гринин, Гринин 2015].

Источники – Primary Sources in Russian Translation

Коллингвуд 1980 – *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980 (Collingwood R.J. *The Idea of History. An Autobiography.* Russian translation).

Маркс 1955 – *Маркс К.* Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. Т. 4 (Marx K. *Misure de la philosophie.* Russian translation).

Маркс 1959 – *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. Т. 13 (Marx K. *Zur Kritik der Politischen Ökonomie. Vorwort.* Russian translation).

Маркс 1960 – *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. Т. 23 (Marx K. *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Band I.* Russian translation).

Раинко 1979 – *Раинко С.* Марксизм и его критики. М.: Прогресс, 1979 (Rainko S. *Marxism and its Critics.* Russian translation).

Primary Sources

Adamson, Walter L. (1980) “Reviewed Works: Karl Marx’s Theory of History. A Defense by G.A. Cohen; Marx’s Interpretation of History by Melvin Rader; Marx’s Theory of History by William H. Shaw”, *History and Theory*, Vol. 19, no. 2, pp. 186–204.

Anderson, Perry (1974*) *Lineages of the Absolutist State*, New Left Books, London.

Anderson, Perry (1974*) *Passages from Antiquity to Feudalism*, New Left Books, London.

Anderson, Perry (1976) *Considerations on Western Marxism*, Verso, London.

Ссылки – References in Russian

Андерсон 1991 – *Андерсон П.* На путях исторического материализма // Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М.: Интер-Версо, 1991.

Арон 2010 – *Арон Р.* Воображаемые марксизмы. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.

Белл 1999 – *Белл Д.* Приход постиндустриального общества. М.: АСТ, 1999.

Бродель 1993 – *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.

Готфрид 2009 – *Готфрид П.* Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009.

Гринин 2006 – *Гринин Л. Е.* Производительные силы и исторический процесс. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006.

Гринин, Гринин 2015 – *Гринин Л.Е., Гринин А.Л.* От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М.: Учитель, 2015.

Джеймисон 2005 – *Джеймисон Ф.* Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3. С. 208–246.

Длугач 2016 – *Длугач Т.Б.* Рец. на кн.: А. Вудс, Т. Грант. Бунтующий разум. Марксистская философия и современная наука // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 220–222.

Поппер 1993 – *Поппер К.* Ницета историцизма. М.: Прогресс, 1993.

Рокмор 2016 – *Рокмор Т.* Пикетти, марксистская политическая экономия и закон тенденции нормы прибыли к понижению // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 29–37.

Historical Materialism within Western Marxism: The Reflections on the Fate of the Concept

Leonid E. Grinin

The article presents a survey on the history of the Western studies within historical materialism framework starting from the end of the 19th century at the general background of the fate of the Western Marxism and its crisis after the collapse of socialism. The author shows the waves of the Western Marxists' attenuating and increasing interest in historical materialism. The article also studies academic and intellectual merits of historical materialism. The author argues that the methodology of historical materialism has many valuable findings and conclusions. A peculiar attention is paid to Marx's conclusion that the changing developmental level of productive forces inevitably leads to changes in all other spheres of societal life; moreover, these changes proceeds far from automatically and immediately but via the resolution of structural and systemic crisis in a society.

The author makes a conclusion that today one can hardly work within the framework of historical materialism conception since many of its postulates should be revised. On the other hand, today the fate of historical materialism and Marxism is defined by a certain paradox: its influence increases along with the merge with other theories, therefore they, nevertheless, continue to exist. There are defined three directions within social science which are clearly associated with historical materialism. Since it has become a part of the general intellectual legacy one can figuratively speak about its genetic drift.

KEY WORDS: Karl Marx, historical materialism, Western Marxism, productive forces, productive relations, basis, superstructure, Marxist historiography, post-historical materialism, methodology, general intellectual legacy, driving forces of historical process.

GRININ Leonid E. – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow at the Institute of Oriental Studies of the RAS, Deputy Director of the Eurasian Center for Big History and System Forecasting, Senior Research Associate of the Laboratory of monitoring the risks of social and political instability at National Research University Higher School of Economics.

leonid.grinin@gmail.com

Received at May 10, 2018.

Citation: Grinin, Leonid E. (2018) "Historical Materialism within Western Marxism: the Reflections on the Fate of the Concept", *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2018), pp. 90–101.

DOI: 10.31857/S004287440001153-3

References

- Anderson, Perry (1983) *In the Tracks of Historical Materialism*, Verso, London.
- Anderson, Perry (2000) "Editorial. Renewals", *New Left Review*, January, February, pp. 13–15.
- Aron, Raymond (1998) *Marxismes imaginaires: d'une sainte famille à l'autre*, Gallimard, Paris.
- Bell, Daniel (1973) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting*, Basic Books, New York (Russian translation).
- Braudel, Fernand (1985) *La dynamique du capitalisme*, Flammarion, Paris.
- Cohen, Gerald A. (2004) *Karl Marx's Theory of History: A Defence*, Oxford University Press, New York.
- Dlogach, Tamara B. (2016) "Review on the Book: A. Woods, T. Grant. Reason in Revolt. Marxist Philosophy and Modern Science", *Voprosy Filosofii* (2016), Vol. 3, pp. 220–222 (In Russian).

- Eagleton, Terry (2011) *Why Marx Was Right*, Yale University Press, New Haven, London.
- Hobsbawm, Eric (2011) *How to Change the World. Reflections on Marx and Marxism*, Yale University Press, New Haven, London.
- Gottfried, Paul Edward (2005) *The Strange Death of Marxism: The European Left in the New Millennium*, University of Missouri, Columbia.
- Grinin, Leonid E. (2006) *The Productive Forces and Historical Process*, 3rd ed., reprint, KomKniga, Moscow (In Russian).
- Grinin, Leonid E., Grinin, Anton L. (2015) *From Biface to Nanorobots. The World on the Way to the Era of Self-Regulating Systems (History of Technologies and Description of their Future)*, Uchitel, Moscow (In Russian).
- Iggers, Georg G. (2010) ‘Review on Chris Wickham, ed., *Marxist History-writing for the Twenty-first Century* (Oxford, 2007)’, *American Historical Review*, Vol. 115, pp. 186–188.
- Iggers, Georg G. (2012) *The Marxist Tradition of Historical Writing in the West. A Retrospect from the Beginning of the Twenty-First Century*, http://www.lbihs.at/Iggers_Marxist_Tradition_of_Historical_Writing.pdf
- Jameson, Frederic (1996) “Five Theses on Actually Existing Marxism”, *Monthly review*, Vol. 47, № 11, p. 1.
- Jeffries, Stuart (2012) ‘Why Marxism is on the Rise Again’, *The Guardian*, July 04, <https://www.theguardian.com/world/2012/jul/04/the-return-of-marxism>
- Mandel, Ernest (1995) *Long Waves of Capitalist Development: A Marxist Interpretation: Based on Marshall Lectures given at the University of Cambridge*, 2nd ed., Verso, London, New York.
- Rockmore, Tom (2017) “Piketty, Marxian Political Economy, and the Law of the Falling Rate of Profit”, *Metaphilosophy*, Vol. 48, № 1–2, pp. 146–152.
- Popper, Karl (1964) *The Poverty of Historicism*, Harper and Low, New York.
- Wickham, Chris, ed. (2007) “Marxist History Writing for the Twenty-First Century”, *British Academy Occasional Paper*, no. 9, Oxford University Press for the British Academy, Oxford.